

Вести МУ ЛН, 1976 → 5

И. В. Дубов

ЯРОСЛАВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ В IX СТОЛЕТИИ

Основными и практически единственными источниками для реконструкции истории Ярославского Поволжья эпохи раннего средневековья являются данные, полученные в результате более чем столетней раскопок поселений и могильников IX—XIII вв., расположенных по течению реки Волги от Углича до Ярославля и берегам многочисленных рек, впадающих в нее в данном районе.

Выбор для исследований именно территории Ярославского Поволжья, а не какого-нибудь другого района Ростово-Суздальской земли обусловлен причинами исторического порядка. Географическое положение Ярославского Поволжья в большой мере способствовало тому, что этот район уже в раннее время был включен в орбиту древнерусской колонизации и всех событий, происходивших на обширной территории Древней Руси. Особое значение и интерес представляет узел культурного роста — Волга. «Которость или Которость небольшая река, образуемая из реки Вёксы и Устья, истока ростовского озера Неро. В древности Которость была главным путем с Волги в Ростов».¹ Ранние этапы (IX—X вв.) формирования древнерусского общества в Ярославском Поволжье обеспечиваются в основном материалами широко известного курганного некрополя под Ярославлем — Тимеревского, Михайловского и Петровского. Если исследователям до этого приходилось иметь дело только с погребальными древностями, расположенными в отдельных пунктах,² то ныне мы можем подходить к ним комплексно, используя материалы поселений, кладов, открытых в последнее время,³ и некоторых курганных групп, раскопанных в дореволюционный период и до сих пор не учитывавшихся.⁴

¹ Барщевский И. Исторический очерк города Ярославля. — Труды Ярославск. губ. учен. архив. комисси, 1900, вып. 4, с. 5.

² Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы. Ч. I. — Труды II Областного историко-археологического съезда. 1903. Тверь, с. 87—248; ч. II. — Труды III Областного историко-археологического съезда, 1909. Владимир, с. 1—98; Станкевич Я. В. Об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА. М.—Л., 1941, № 6, с. 56—88; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА. М., 1961, № 94, с. 194—198; Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.

³ Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и палеонтологическим данным). — Вести Ленингр. ун-та, 1975, № 2, с. 65—70; Мальм В. А., Недошкова Н. Г., Полякова Г. Ф., Фехнер М. В. Тимеревский могильник близ Ярославля. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975, с. 67—68; Дубов И. В., Кухарева Л. С., Чукова Т. А. Ярославская экспедиция. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975, с. 57—58.

⁴ Тихомиров И. А. 1) Отчет о раскопках в Ярославской губернии в 1897—1898 гг. — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 52, л. 29—32; 2) Раскопки в Тимереве. — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 82, 1900; Абрамов И. С. Раскопки в Ярославской губернии в 1908 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 71, 1908.

Ярославские курганные могильники в силу своей уникальности и высокой изученности являются ключевыми памятниками в исследовании исторических событий, происходивших на территории Ярославского Поволжья в IX—XI вв.

Датировка погребальных комплексов этих некрополей служит для выяснения таких исторических фактов, как древнерусская колонизация Поволжья, появление и роль в данном районе норманов, время функционирования и значимость Волжского торгового пути, становление древнерусского общества и древнерусской народности, формирование древнерусской культуры и т. д. Наиболее важны в этом плане два узловых вопроса: проблема нижней даты могильников и время их максимального расцвета.

В работах И. А. Тихомирова и Я. В. Станкевича выдвинута и обоснована «длинная» хронология Ярославских курганов, которые, по их мнению, соорудились уже в VIII—IX вв.⁵ М. Ф. Фехнер предложена «короткая» хронология — ранняя дата — конец IX в.

На основе детальной хронологии, разработанной М. В. Фехнером, ленточной хронологической шкалы, построенной главным образом на датировке вещей скандинавского происхождения, остальные же категории погребального инвентаря используются преимущественно для выявления нижних хронологических пластов.⁶

Используя, с одной стороны, подобные приемы, а с другой — учитывая общие тенденции развития погребального обряда, группировку курганов в пределах могильника и выделяя ведущие признаки для каждой группы, нами разработана новая хронология Ярославских курганов, в которой большое внимание уделено ранней группе погребальных комплексов, относящихся к IX столетию. В результате проведенного исследования было выделено несколько блоков признаков, характеризующих различные этапы существования могильников.

В Тимеревском могильнике из достоверных 359 погребальных комплексов в число датированных в пределах столетия с большей или меньшей долей вероятности можно включить 215, что составляет более половины общего количества.

В IX столетии мы относим большую группу курганов в 52 насыпи (21,5%). Общими признаками, выделенными нами для курганов Тимеревского некрополя, являются следующие: помещение кальцинированных человеческих костей кучкой или в разбросанном виде в ящике или в насыпи, иными словами, трупосожжение на стороне; отсутствие лепной керамики, костей жертвенных животных, каменной инвентаря: камни располагаются по кругу или полукругу, иногда с выходящими линиями камней внутри.

Характерной чертой этого периода является необычайная бедность погребального инвентаря. Наиболее часто встречаются: костяные гребни, железные ножи, фрагменты ларчика и пояса, просверленные астраханские монеты. Хронологическими реперами являются фибулы типов 30—31 (тип № 95), 37В (курган № 123), 37F (курган № 53) и 58 (курган № 95). Самые ранние (за исключением фибулы типа 30—31 из кургана № 95) в Тимеревском могильнике — фибулы типа № 37, по Я. П. Станкевичу, которые представлены здесь двумя подтипами 37В и 37F. Более широкое распространение застевки этого типа имели в IX в. Фибула типа 37В найдена в кургане № 123, и она там единственная,

Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы, ч. II, с. 5; Станкевич Я. В. Указ. соч., с. 82.

Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963 (приложения).

твердо датированная находка. Этот тип относится главным образом к второй половине IX в., а комплекс — ко времени бытования типа булы. В состав погребального инвентаря кургана № 53 входят овалы фибулы типа 37F (вторая половина IX в.). Трупоожженные в этом кургане совершенно на стороне. В центре кургана находилась каменная кладка из валунов, располагающихся по кругу с двумя рекрецивирующимися внутри него линиями камней. В центре этого сооружения была груда кальцинированных человеческих костей, лежащая в яме, прикрытой плоскими камнями. Последней насыпью из этой группы является курган № 75, где встречена равноплечная фибула типа 58, единственная там находка. Этот тип возник около 800 года и бытовал весь IX в. Погребение располагалось здесь в виде груды кальцинированных человеческих костей на материке. В известном могильнике Бирка в Швеции погребальные комплексы с такими находками датируются IX столетием. Возможно отнести и Тимеревское погребение к тому же времени.

Особого внимания заслуживает группа насыпей Тимеревского некрополя, относимых нами к IX в.; в них отмечены каменные конструкции в виде круга камней. Таких насчитывается здесь девять.⁷ Кальцинированные человеческие кости и кости животных располагаются, как правило, кучкой на материке или в небольшой яме в центре круга ограниченного камнями. Только в одном случае остатки сожжения были положены в урну — лепной баночный горшок без орнамента (курган № 272). Последний тип обряда широко распространен в Скандинавии, в частности, в могильнике Бирки он доминирует в IX в.⁸

Большая часть курганов (IX—X вв.) могильника Кварнбакен на Аландских островах содержит в основании различного рода каменные вымостки и кладки, в том числе здесь известны и подобные ярославским. Каменная кладка по кругу — это одна из вариаций, находящихся в основании насыпи. Наиболее отчетливые образцы представлены в курганах № 4, 37, 41, 45, 92 и 135. Такие кладки мы находим в материковой Швеции, в частности в ее южной части, в провинции Сконе, где они датируются примерно так же, как и на Аландах. Таким образом хронология вышеуказанных кладок в Скандинавии не противоречит предлагаемой нами датировке для ярославских находок — IX столетия. Монетные находки этой группы известны в двух случаях (курганы № 95 и 125). Эти дирхемы чеканены в 80-х годах VIII в.

Остальным погребальным комплексам, датируемым IX в., свойственна бедность инвентаря. Кальцинированные кости располагаются главным образом на материке.⁹ Группа курганов IX столетия характеризуется минимальными средними размерами: диаметр 7 м, высота 0,7 м.

В пределах могильника описанная серия погребений топографически выделяется в группу, являющуюся древнейшим ядром некрополя. Она представляет собой вытянутую цепочку с севера на юг через центральную часть могильника, причем основная концентрация этих курганов наблюдается в южной его половине.

В некрополе у с. Михайловского к IX в. мы относим 16 курганов.

⁷ Речь идет о курганах № 53, 142, 144, 191, 267, 272, 362; 371, 396.

⁸ Тип А. По Г. С. Лебедеву. — См.: Лебедев Г. С. Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Автореф. канд. дис. Л., 1972, с. 11—12.

⁹ Всего 38 насыпей. Это курганы № 1, 2, 64—66, 72, 82, 84, 112, 131, 145, 178, 182, 183, 202, 203, 208, 240, 253, 276, 280, 292, 293, 306, 308, 334, 339, 353, 355, 364, 372, 379, 411, 416, 420, 427.

это составляет 9% от общего числа насыпей, научная обработка которых возможна.¹⁰ В целом эти комплексы аналогичны тимеревским.

Важно сказать, что ни в одном из этих курганов, в отличие от Тимерева, не найдено кольцевидных каменных кладок или вещей скандинавского происхождения. Исключение представляет курган № 105 — 1961, где в состав инвентаря входят железная шейная гривна с прищипками в виде молоточка Тора.

Особо следует отметить курган № 27 — 1898, вызывавший споры в отношении своей датировки. Я. В. Станкевич относил его ко второй половине VIII в.¹¹ Д. А. Авдусин полагал, что курган был насыпан в IX столетии.¹² Основанием для таких датировок здесь служила находка бронепокрытого, чеканенного в 712 г. Н. Г. Недошивина, однако, датирует это погребение второй половиной X в.¹³ Учитывая находку этой монеты вместе с остальными вещами датируемыми не являющимися) и обряд погребения (насыпь с кальцинированными костями, покрытая глиняной крышкой и стоявшая среди кучи углей в центре кургана), можно согласиться с мнением Д. А. Авдусина.

Средние размеры курганов IX столетия Михайловского могильника аналогичны Тимеревским. К сожалению, в Михайловском невозможно провести анализ топографического размещения насыпей разного времени в пределах могильника из-за отсутствия единого сводного плана всех раскопанных курганов.¹⁴

Материалы, полученные при раскопках Петровского могильника, позволяют четко выделять погребения IX в., и поэтому ранняя группа курганов здесь датируется IX — первой половиной X столетия.

В эту серию включено 15 насыпей (12,5% от общего количества погребений).¹⁵ В основной своей массе эти насыпи мало чем отличаются от аналогичных в Тимереве и Михайловском. Особо следует отметить на кургане № 73, где найдена овальная фибула типа 37В. В этом кургане датирующей вещью, кроме фибулы типа 37В, можно считать наконечник стрелы (тип 15, вариант 2, по А. Ф. Медведеву).¹⁶ А. Ф. Медведев отмечает, что «по-видимому этот вариант характерен для конца IX — начала X в.»¹⁷ М. В. Фехнер относит данный комплекс к концу IX столетия.¹⁸

Картография погребальных комплексов IX — первой половины X в. Петровского могильника показывает, что они образуют древнейшую часть, концентрируясь главным образом в восточной части некрополя.

Основываясь на материалах и предложенной нами хронологической шкале, можно подойти к данному вопросу следующим образом. IX столетие — качественно новый этап в истории Ярославского Поволжья. Именно в это время, по нашему мнению, начинается период формирования древнерусской народности. Используя термин «древнерусская колонизация», мы отнюдь не полагаем, что в IX в. уже полностью сле-

¹⁰ Курганы № 4, 19, 20 — 1897 г.; 17, 21, 24, 27, 30, 35 — 1898; 2 — 1903; 9 — 1913; 4 — 1921; 1, 105 — 1961 г.

¹¹ Станкевич Я. В. Указ. соч., с. 66.

¹² Авдусин Д. А. Дружинные курганы кривичей. Автореф. канд. дис. М., 1948.

¹³ Недошивина Н. Г. Михайловский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 29—30.

¹⁴ Недошивина Н. Г. Михайловский могильник, с. 24.

¹⁵ Курганы № 34, 45, 54А, 60, 73, 79, 83, 93, 99—101, 114—116, 122.

¹⁶ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. — САИ. М., 1966, вып. Е1—с. 59, 109, табл. 13—13.

¹⁷ Там же, с. 59.

¹⁸ Ярославское Поволжье X—XI вв. (приложения).

жилось население, которое можно назвать древнерусским. В это время имелись налицо все компоненты, которые в конечном итоге определяют путь и характер становления древнерусского общества на территории Ярославского Поволжья. Необходимо определить основные исходные регионы колонизации, ее направление и характер. В районы занятые финноугорскими племенами, продвигается население со стороны северо-запада — Ладоги и Новгородских земель. Северо-западная колонизация — это традиционная точка зрения, высказывавшаяся еще в прошлом веке, однако ни историки, ни археологи того времени не давали научно обоснованных и развернутых доказательств в пользу этого тезиса.

Одновременно из двух основных регионов двигалось на территорию Верхней Волги разноэтничное население. Путь скандинавов шел от Ладоги по рекам Сясь, Тихвинка, Чагодоша, Молога и Волга. Он отмечен скандинавскими вещами IX в., найденными в опорных пунктах этого движения — Ладоге и Юго-Восточном Приладожье¹⁹ и Ярославском Поволжье.²⁰ К сожалению, на всем протяжении этого пути подобных находок не обнаружено. В этом плане возможно говорить еще об одном направлении — от Ладоги с выходом на Белоозеро и затем по Шексне в Ярославском Поволжье, но это направление находками пока не подтверждается.

Существовало мнение, что курганный обряд привнесен на Ярославщину выходцами из Скандинавии.²¹ М. В. Фехнер, выделяя погребения IX в., датировала их, основываясь исключительно на находках скандинавских вещей,²² и не выявляла при этом раннего ядра некрополя, кроме насыпей со скандинавскими находками. Другой точки зрения придерживались Я. В. Станкевич и Е. И. Горюнова, полагая, что ранние комплексы связаны с погребальными сооружениями типа «сопок». А Я. В. Станкевич конкретизировала этот вывод и связывала «сопки» со славянскими племенами Новгородчины.²³ Эта точка зрения нашла свое дальнейшее развитие в работах П. Н. Третьякова.²⁴

Курганы Ярославских могильников IX в., которые можно было бы связывать со скандинавами исходя из погребального обряда, набора погребального инвентаря, местоположения могильника, размеров насыпи и других признаков, составляют достаточно компактные группы в некрополях под Ярославлем. Нигде больше на территории Ярославского Поволжья подобные насыпи не встречены. Всего в эту группу в Тимеревском могильнике мы включаем двенадцать курганов, топографически укладывающихся в границы древнейшего ядра некрополя.²⁵ Конечно, нельзя совершенно уверенно утверждать, что под каждым из них погребен скандинав, но черты погребального обряда и набор инвентаря связывают их со Скандинавией.

Погребальный ритуал девяти насыпей объединяется единой характерной чертой — кальцинированные человеческие кости располагаются

¹⁹ Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья. — «Материалы по археологии России», 1895, № 18, с. 98—140.

²⁰ Фехнер М. В. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв., с. 75—85.

²¹ Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы, ч. II, с. 248.

²² Ярославское Поволжье X—XI вв. (приложение).

²³ Станкевич Я. В. Указ. соч., с. 82; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, № 94. М., 1961, с. 185.

²⁴ Третьяков П. Н. 1) Северные восточно-славянские племена. — МИА, № 6. М.—Л., 1942, с. 45—47; 2) У истоков древнерусской народности. — МИА, № 179. Л., 1970.

²⁵ Курганы № 53, 75, 95, 123, 142, 144, 191, 267, 272, 362, 371, 396.

либо просто кучкой на материке, либо в насыпи. В двух случаях они омылись в ямки, выкопанные в материке, покрытые камнями.²⁶ В одном кургане кости находились в лепной урне, поставленной на материк.²⁷ И наконец, только дважды в этой серии насыпей зафиксировано кострище с кальцинированными человеческими костями.²⁸

Таким образом, практически во всех случаях погребения совершены по обряду трупосожжения на стороне, который, как показано выше, является ведущим в Ярославских могильниках IX столетия.

Во всех рассматриваемых нами курганах зафиксированы каменные конструкции в виде кольцевидных кладок из валунов, иногда с перекрывающимися линиями в центре, что характерно для данного погребального ритуала.

Большая часть этих насыпей и раньше выделялась в качестве скандинавских,²⁹ однако датировки давались очень широкие — IX—X вв. Проведенное исследование говорит в пользу наиболее ранней даты для рассматриваемых комплексов и их, видимо, возможно связывать с первыми поселениями скандинавского происхождения, уже в это время появившимися в Ярославском Поволжье. В Михайловском могильнике к этому кругу насыпей может быть отнесен курган № 105, где найдена железная шейная гривна с привесками в виде молоточков Тора, которые, по мнению ряда авторов, могут являться этническими индикаторами скандинавских погребений.³⁰

Из серии аналогичных курганов в Петровском выделяется насыпь № 73, в которой в состав инвентаря входит фибула типа 37B, погребение здесь и ранее датировалось концом IX в.³¹

Значительная серия погребальных комплексов IX в. (их около сорока) составляет, на наш взгляд, древнейшие части Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. Это — полусферические курганы с погребениями по обряду трупосожжения на стороне, причем кальцинированные кости расположены либо в насыпи, либо на материке. Эти курганы как раз и оставлены племенами, попавшими в Ярославское Поволжье примерно в одно и то же время со скандинавами, т. е. на протяжении IX в.

На территории Новгородских земель был выявлен пласт курганов с трупосожжениями на стороне. Ряд ведущих исследователей³² относит его к погребальным памятникам новгородских словен VIII—X вв. И. И. Ляпушкин сформулировал положение относительно принципов выделения достоверных славянских погребальных памятников VIII—IX вв. Таковыми он считал круглые полусферические курганы с трупосожжением и лепной керамикой.³³

Практически полное сходство насыпей, рассматриваемых И. И. Ляпушкиным и В. В. Седовым, и курганов анализируемой серии Ярославских могильников позволяет говорить об их близости. Основным аргументом в пользу этого, конечно, служит сам обряд погребения. Если

²⁶ Курганы № 53, 42.

²⁷ Курган № 272.

²⁸ Курганы № 95, 144.

²⁹ Ярославское Поволжье X—XI вв. (приложение).

³⁰ Кирпичников А. Н., Шаскольский И. П. Ярославское Поволжье X—XI вв. «Советская археология», 1965, № 1, с. 318.

³¹ Ярославское Поволжье X—XI вв. (приложение).

³² Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. — МИА, Л., 1968, № 152, с. 112—113, рис. 4; Седов В. В. Новгородские сопки. — САИ, М., 1970, вып. Е1—8, с. 30—31, табл. XIX.

³³ Ляпушкин И. И. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII—IX вв.). — В кн.: Культура древней Руси, М., 1966, с. 134.

³⁴ Вестник ЛГУ, 1976, № 14

нанести на карту памятники этого типа, то можно увидеть, что распадаются они по важнейшим водным путям — Мсте, Мологе и выходя на Верхнюю Волгу в районе современного Рыбинского водохранилища. С ними сочетаются практически все клады арабских монет IX в. Необходимо отметить также, что наличие каменных конструкций — характерная черта круглых насыпей Новгородской земли.

Все вышеприведенные доводы позволяют нам говорить о ранней волне древнерусской колонизации из районов Северо-Запада. Передвигавшееся население являлось, видимо, смешанным, оставляло различные погребальные памятники, было связано с трансевропейской торговлей, о чем говорят многочисленные клады арабских монет, зарытые в IX в. именно на этой территории.³⁴

Наиболее сложным представляется нам определить социальную структуру населения Ярославского Поволжья в IX веке, а равно и общественную природу древнерусской колонизации этого периода. Было бы слишком схематично говорить только лишь о торгово-ремесленном характере связей и движения. К сожалению, в данном случае археологические материалы являются чрезвычайно скудными и разрозненными, чтобы на них можно было бы построить социальную модель рассматриваемого процесса.

Материалы Ярославского Поволжья, относимые к IX столетию, не дают оснований для разделения погребальных памятников на какие-либо группы, кроме этнических. Этот вывод подтверждает и однообразие погребального обряда, одинаковые размеры насыпей и везде бедность инвентаря. Рассматриваемые погребения однородны по социальному статусу. На этом этапе колонизацию, видимо, осуществляли небольшие группы свободных общинников. Патриархально-родовой строй находился на стадии разложения, а раннефеодальное общество вступало только в период своего сложения. Это именно та стадия становления феодального общества, которая в работах историков последних лет называется периодом племенных княжений, являвшихся непосредственными предшественниками государственных образований.

На стадии племенных княжений, когда родовые узы ослабевают, начинается освоение новых территорий и движение общинников, а в дальнейшем из них формируются различные слои древнерусского общества.³⁵ Материалы Ярославских памятников IX в. характеризуют тот период, когда только формируются те пункты, где пошло дальнейшее развитие — племенные центры, крепости князей, отдельные пункты на магистральных торговых путях, с какими мы имеем дело в Ярославском Поволжье.

Summary

The article deals with the problems connected with the study of the history of the Jaroslavl region (upper Volga) of the IXth century, a period which has not received sufficient attention in special literature. The author suggests a new chronology of the Jaroslavl burial grounds, based on the study of burial implements and burial customs.

³⁴ Марков А. К. Топография кладов восточных монет. Сиб., 1910, с. 54. Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья (домонгольский период). М., 1956, с. 100—103.

³⁵ Мавродин В. В. О племенных княжениях восточных славян. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 44—54.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В. Д. Андреев

О ЗАДАЧАХ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXV СЪЕЗДА КПСС

XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза определил генеральные направления развития социалистического общества в десятой пятилетке. В решении задач, стоящих перед советской высшей школой, значительна роль гуманитарного образования как одного из аспектов идейно-воспитательной работы по формированию нового человека, социалистического образа жизни. В намеченной партией социальной программе предусмотрена подготовка свыше 9,5 млн специалистов высшим и средним специальным образованием. Известную долю таких специалистов должен будет подготовить и филологический факультет Ленинградского университета — за пятилетку примерно 2200—2300 человек по всем формам обучения.

Конкретизируя задачи филологического образования, вытекающие из решений съезда, мы не можем ограничиться рассмотрением только своих профессионально-производственных проблем. Мы имеем в виду комплексное развитие факультета как одного из крупных учебно-научных центров высшего филологического образования в Ленинграде и стране. Речь идет о государственном, народно-хозяйственном деле огромной идеологической и политической важности — формировании коммунистического мировоззрения, общественных, деловых качеств советского интеллигента-гуманитария, который должен обладать целым комплексом идейных, нравственных, эстетических убеждений и как специалист-профессионал, и как гражданин своей великой Родины.

Филологический факультет обладает значительными возможностями для решения таких задач. В настоящее время на факультете трудятся более 400 штатных и внештатных преподавателей, обладающих значительным учебно-воспитательным и научно-методическим опытом и объединенных на 18 кафедрах и в двух учебно-научных лабораториях. Преподаватели высшей и средней квалификации составляют 50% всего состава, который обеспечивает значительный объем работ с разнообразным контингентом учащихся — студентами, аспирантами, стажерами, слушателями высших педагогических курсов, факультета повышения квалификации и иностранными гражданами. На факультете ведется обучение по 22 специальностям и специализациям, среди которых имеются и уникальные. Исторически сложившаяся подготовка филологов редких специальностей является традицией коллектива, всегда откликавшегося на потребности народного хозяйства и культуры. Только последние несколько лет были открыты отделения голландского и португальского языков, начата подготовка преподавателей русского языка как иностранного.

На факультете в едином комплексе сосуществуют и сотрудничают традиционные научные школы и специализации, что создает редкост-